Моё детство прошло на берегу Енисея. Родители по утрам уходили на работу, а мы, брошенные на произвол улицы, проводили свои дни как могли. Летом на берегу Енисея бегали по брёвнам, которыми заполняли бону. Бона — это брёвна, сбитые скобами, конец каждого бревна соединён с другим бревном. Получается коса. Толщина боны — два бревна, ширина — четыре. Поверхность боны покрывают досками, чтобы удобно было ходить. Конец боны закрепляют на берегу. Между берегом и боной строят пропускные ворота. Другой конец боны отводят как можно дальше от берега против течения, закрепляют за бетонную плиту, которая лежит на дне реки. Получается треугольник. Брёвна баграми направляли на бревнотаску, по которой медленно ползёт цепь по эстакаде. Длина эстакады метров двести, в конце стоит электромотор, который приводит цепь в движение. Брёвна, которые выданы на-гора́, лебёдками складируют в штабеля.

Начальник биржи сырья гонял нас, пацанов, от штабелей, где мы искали смолу, которая выделяется на поверхности коры дерева. Наковыряешь смолы и целый день жуёшь. Это не еда, но слюна, выделяемая во рту от серы, перебивала голод. Там же мы играли в прятки. Бывало, брёвна падали между штабелями, могли нас придавить, но это нас мало тревожило. Мы даже делали лежанку между падающими

брёвнами. Настилали соломы, старых тряпок. Бывало, там и засыпали. Сколько прошло лет, а я до сих пор помню запах свежеспиленной древесины.

Течение уплотняло брёвна между собой. Если наступишь на тонкое бревно, оно тонет. Бывало, кто-то из пацанов даже падал между брёвен, начинал звать на помощь. Сплавщики бросали работу и вытаскивали бедолагу.

Однажды мы, как обычно, группой побежали по только что сплавленным брёвнам. Мы первые, кто постарше, пробежали, при этом брёвна расшевелили, и между брёвнами образовалось «окно». Бежавшие следом малыши старались повторять наши движения. Один из мальцов не рассчитал и угодил в «окно». Его сразу унесло под брёвна. Благо, оказался недалеко начальник биржи сырья Леонид Иванов. Он не растерялся и нырнул в «окно». Его не было долго, и вынырнул он вместе с пацаном метров через тридцать, на чистой, не занятой брёвнами воде. После этого случая нас стали гонять с бон ещё яростнее. Заметив работников биржи, мы, чтобы не получить по шее, сразу ныряли в Енисей.

Нет худа без добра: это способствовало тому, что я уже к десяти годам хорошо плавал. И это впоследствии мне помогло в жизни.

Помню, батя взял путёвку в пионерский лагерь на первый сезон. По возрасту я был зачислен в первый отряд. Участвовал во всех делах отряда: играл в футбол, волейбол, помогал пионервожатой, был горнистом лагеря. Когда приехал домой, то узнал, что батя взял путёвку на второй сезон моему брату. Родители работали, мне пришлось брата провожать в лагерь. Пионервожатые поставили столы на территории лагеря и вели запись детей. Когда я подошёл к своей бывшей вожатой, она обрадовалась, думая, что я остаюсь и на второй сезон, но я объяснил, что привёз брата. Она попросила мне помочь с устройством её отряда. Я переночевал ночь. Уже на второй день меня встретила директор с вопросом:

— Ты опять здесь?

Я ей объяснил, что привёз брата, а остался по просьбе вожатой помочь с отрядом на день-два.

— Если комиссия при проверке узнает, что в лагере ребёнок без путёвки, меня накажут,— сказала мне директор.

После обеда я перешёл вброд речку Базаиху и на другом берегу наткнулся на куст смородины. Увлёкшись сбором ягод, услышал крики детей. Выбежав к берегу, увидел, как поток воды несёт брёвна и ребёнка. В былые времена с верховья Базаихи сплавляли лес, река мелководная, по руслу реки ставили плотины. Каждая плотина накапливала воду и придерживала брёвна до определённого уровня. Когда уровень воды был набран, плотину открывали, и бурный поток воды уносил брёвна до следующей плотины. Так, от плотины до плотины, сплавляли лес, и каждый раз по высокой волне. Поэтому никто не знал, когда пойдёт очередной сброс. Так и в этот раз: когда пошла волна, на берегу оказались дети лет восьми-девяти. Они стояли на берегу и громко кричали. В месте, где плыл ребёнок, река делала крутой поворот вправо, и бóльшую часть брёвен течением придавило к левому берегу. Однако ребёнка несло течением метрах в семи от берега. Некогда было раздумывать. Я прыгнул в воду, расталкивая брёвна, разбивая колени, кое-как волоком вытащил пацана на берег. На берегу я долго не мог избавиться от цепких рук малыша.

Когда уровень воды упал, я с пацаном перешёл на другой берег и попал в объятья директора лагеря. Она плакала и причитала, что я спас её от тюрьмы. Выяснилось, что мальчишка был с нового заезда — второй смены — и без спросу вышел с другими малышами к реке.

Всё ещё со слезами на глазах, директор сказала мне, что могу оставаться в лагере сколько захочу.

Так я всё то лето отдыхал в пионерлагере. Когда второй сезон кончился, мы с братом не стали дожидаться машины, на которой подвозили детей к проходной и передавали родителям. Мы с братом пошли домой пешком.

При переходе реки я порезал ногу, а после нескольких нырков нашёл финку с наборной ручкой. Радости моей не было границ.

Был 1955 год.